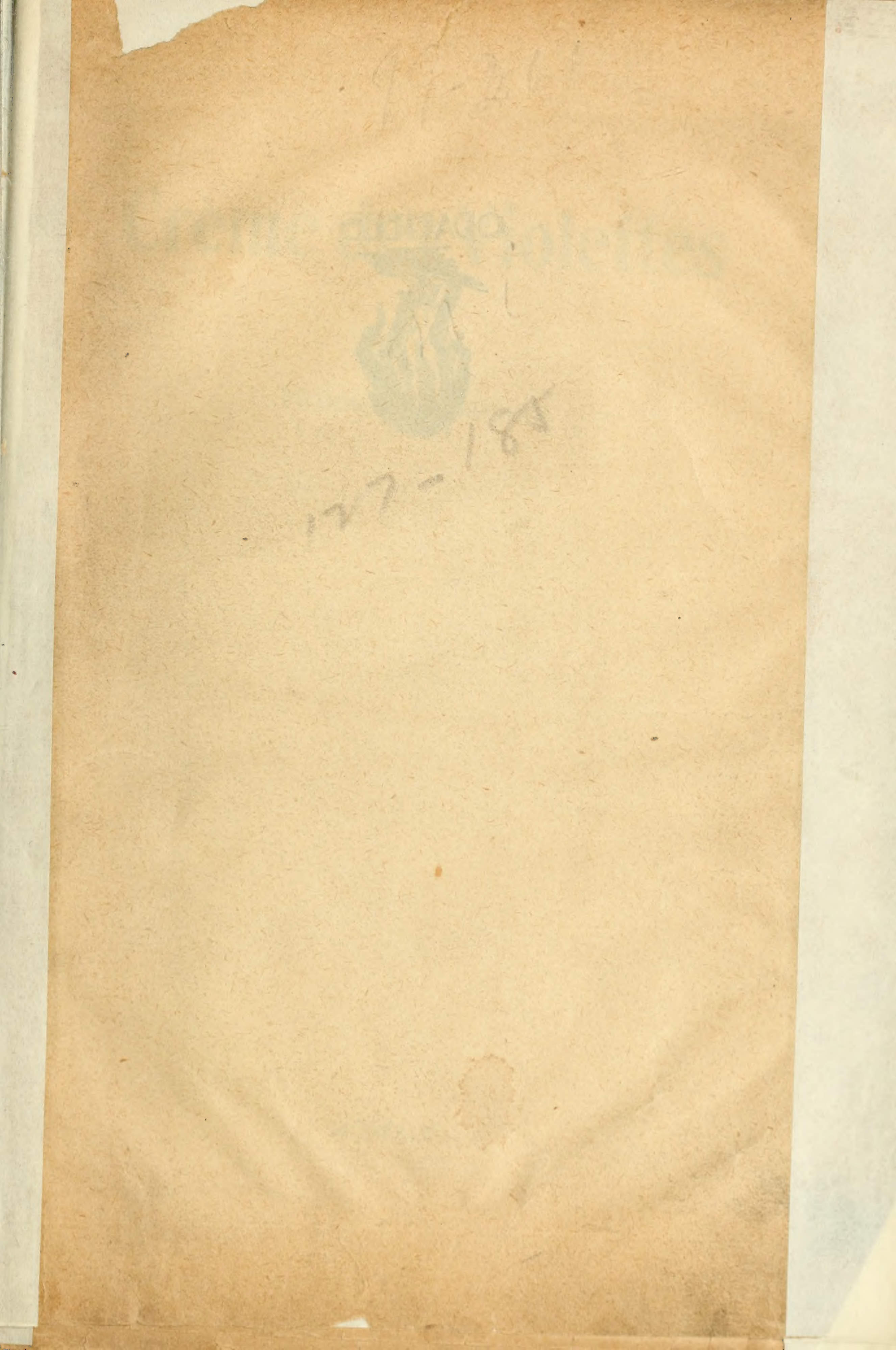
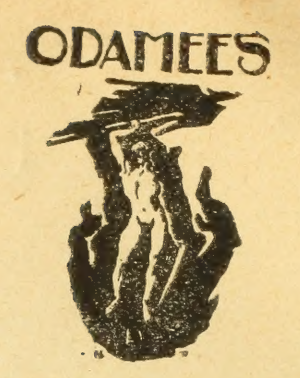

3 1761 08821030 7

127-185

ODAMEES

Crème des Violettes

Игорь-Сѣверянинъ

MCMXIX

Избранныя поэзы

Фіолетовый трансъ

О, Лилія ликеровъ, — о, Crème de Violette!
Я выпилъ грезъ фіалокъ фіалковый фіалъ. . .
Я приказалъ немедля подать кабріолетъ,
И сѣлъ на сѣромъ кленѣ въ атласный интервалъ.

Затянутъ въ черный бархатъ, шофферъ — и мой
клевретъ —
Коснулся рукоятки, и вздрогнувшій моторъ,
Какъ жеребецъ заржавшій, пошелъ на весь просторъ,
А вѣтеръ восхищенный сорвалъ съ меня берэтъ.

Я приказалъ дать „полный“. Я нагло приказалъ
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросилъ шоффера, когда онъ отказалъ, —
Взревѣлъ! и сквозь природу — во-всю и какъ-нибудь!

Встрѣчалась ли деревня, — ни голосовъ, ни избъ!
Врѣзался въ чернолѣсье, — ни дерева, ни пня!
Когда бъ моторъ взорвался, я руки перегрызъ бъ!..
Я опьянѣлъ грозово, все на пути пьяня!..

И вдругъ — безумнымъ жестомъ остолбленъ кленоходъ:
Я лилію замѣтилъ у ската въ водопадъ.
Я передъ ней склонился, отъ радости горбатъ,
Благодаря за встрѣчу, за благостный исходъ...

Я упоенъ. Я вешній. Я тихій. Я грезэръ.
И развѣ виноватъ я, что лиліи колетъ
Такъ рѣдко можно встрѣтить, что путь безъ лилій
сѣръ?..
О, ядъ мечты фіалокъ, — о Crème de Violette...

1911

Полонезъ „Титанія“

(„Mignon“, арія Филины)

1.

Зовусь Титаніей, царицей фей,
Я, лунокудрая нимфея — ночь!
Мой пажъ, сообщникъ мой, нѣмой Морфей,
Соткалъ іюнь,
Вуаля лунь;
Но только дунь, —
Прочь!

2.

Благоуханная, какъ дѣтскій сонъ,
И легковѣйная, какъ мотылекъ,
Порхаю всюду я, и, вознесенъ
Моимъ крыломъ,
Міръ сталъ орломъ;
Взмахну жезломъ,
Легъ!

3.

Со свитой эльфовой сажусь въ челнокъ
На хрупкихъ крылышкахъ, къ Землѣ летя,
Я изъ дурманъ-травы плету вѣнокъ
И на лету
Всю волю ту
Въ него вплету
Я!

1910

Поэза алыхъ туфель

Ало-атласныя туфли были поставлены на̀ столъ,
Но со стола поднимались и прижимались къ губамъ...
Создалъ сапожникъ - художникъ, а ижнеперъ вами
хвасталъ:
Ало-атласныя туфли глазъ щекотали гостямъ.

Ало-атласныя туфли, вы, — наподобіе гòндолъ, —
Помните температуру требовательной ноги?
Ало-атласныя туфли, сколько купившій васъ отдалъ
Разума и капитала — знаетъ одинъ Ибрагимъ...

Ало-атласныя туфли съ дымчатымъ кроличьимъ мѣхомъ
Грѣлись кокетно въ ладоняхъ и утопали въ коврахъ,
Топали въ пламенномъ гнѣвѣ, то содрагались вы
смѣхомъ,
Васъ на подносахъ носили на вакханальныхъ пирахъ!..

Плавали бурно въ шампанскомъ, кушали пряные
трюфели,
Аэропланомъ взлетали, били мужчинъ по щекамъ...
Ало-атласныя туфли! Ало-атласныя туфельки!
Вы, чьи носки къ молодежи! Чьи каблуки къ
старикамъ!

1917

— Мороженое изъ сирени!

— Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени
Полпорцiи десять копеекъ, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо-ль? — не дорого — можно
без прениiй...
Поѣшь деликатнаго, площадь: придется товаръ по душѣ!

Я сливочнаго не имѣю, фисташковое все распродалъ...
Ахъ, граждане, да неужели вы требуете крэмъ-брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусамъ народа,
На улицу специи кухонь, огимнивъ эксцессъ въ вирэле!

Сирень — сладострастья эмблема. Въ лилово-
изнѣженномъ кренѣ
Зальдись, водопадное сердце, въ душистый и сладкiй
пушокъ...
Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ серени!
Эй, мальчикъ со сбитнемъ, попробуй! Ей Богу,
похвалишь, дружокъ!

1912

Качалка грезэрки

Л. Д. Рындиной

Какъ мечтать хорошо Вамъ
Въ гамакѣ камышевомъ
Надъ мистическимъ окомъ—надъ безтиннымъ прудомъ!
Какъ мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грезэрки
Истомлённо лунятся: то — Верлэнъ, то — Прюдомъ.

Что за чудо и диво! —
То Вы — лэди Година,
Черезъ мигъ — Іоланта, черезъ мигъ Вы — Сафо...
Стойтъ Вамъ повертѣться, —
И загрезится сердце:
Все на свѣтѣ возможно, все для Васъ ничего!

Покачнетесь Вы влѣво, —
Королевъ Корелева,
Властелинша планеты голубыхъ антилопъ,
Гдѣ, отъ вздоховъ левкоя,
Упоенье такое,
Что загрезитъ порфирой заурядный холопъ!

Покачнетесь Вы вправо, —
Улыбнется Вамъ Слава,
И дохнетъ Ваше имя, какъ цвѣты райскихъ клумбъ;
Прогремитъ Ваше имя,
И въ омолненномъ дымѣ
Вы сойдете на Землю, — міроздаиья Колумбъ!

А качнетесь Вы къ выси,
Гдѣ мигающій бисеръ,
Вы постигнете тайну: вѣчной жизни процессъ.
И мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грезэрки
Воплотятся въ капризный, но безсмертный Эксцессъ!

1911

Цвѣтокъ букета дамъ

Въ букетѣ дамъ Амьенскаго beau mond'a
Звучнѣе всѣхъ риѳмуетъ съ резедой
Bronze-oxidé блондинка Эсклармонда,
Цвѣтя бальзаколѣтнею звѣздой.

Она остра, какъ квинтъ-эссенца специй,
Ея бравадамъ нуженъ резонансъ,
Въ любовники беретъ „господъ съ трапеций"
И, такъ сказать, смакуетъ mesalliance...

Условностямъ всегда бросаетъ: „schoking!"
Экстравагантно выпускаетъ лифъ,
Лорнируетъ базарно каждый смокингъ,
Но не во всякомъ смокингѣ калифъ...

Какъ устрицу, глотаетъ съ аппетитомъ
Дежурнаго огейзерную дань...
При этомъ всемъ — со вкусомъ носитъ титулъ,
Иной щекѣ даря свою ладонь.

1911

Въ блесткой тьмѣ

Въ смокингахъ, въ шикъ опроборенные, велико-
свѣтскіе олухи
Въ княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупивъ:
Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ саркастно о порохѣ:
Скуку взорвалъ неожиданно нео-поэзный мотивъ.

Каждая строчка — пощечина. Голосъ мой — сплошь
издѣвательство.
Риѳмы слагаются въ кукиши. Кажетъ языкъ ассонансъ.
Я презираю васъ пламенно, тусклыя Ваши Сіятельства.
И, презирая, расчитываю на міровой резонансъ!

Блесткая аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!
Скрытъ отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!
Тусклыя Ваши Сіятельства! Во времена Сѣверянина
Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ,
и Бальмонтъ!

1913

Диѳирамбъ

Почему не брать отъ жизни
все, что она даетъ?..
Генрихъ Ибсенъ.

Цвѣтовъ! огня! вина и кастаньетъ!
Пусть блещетъ „да“! Пусть онѣмѣетъ „нѣтъ“!
Пусть разсмѣется дерзновенное!
Живи, пока живешь! Спѣши, спѣши
Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи дастъ гроши, —
Что толку въ томъ, когда — все тлѣнное?!
Пей! хохочи! танцуй! смѣши!

Воспламенись! всѣхъ жги! и самъ гори!
Сгори! — что тамъ беречь?!
Рискуй! рубись! выигрывай пари!
Въ свой фаэтонъ сумѣй моментъ запречь!
Сверкай мечомъ! орломъ пари!
Бери!!.

1909

Увертюра къ т. III

Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то
испанскомъ.
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекотъ аэроплановъ! бѣги автомобилей!
Вѣтропросвистъ экспрессовъ! крылолетъ буэровъ!
Кто-то здѣсь зацѣлованъ! тамъ кого-то побили!
Ананасы въ шампанскомъ — это пульсъ вечеровъ!

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ
обществѣ дамскомъ
Я трагедію жизни претворю въ грезофарсъ...
Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы — въ Нагасаки! изъ Нью-Іорка —
на Марсъ!

1915

Маріонетка проказъ

Новелла

Чистокровныя лошади распылились въ припляскѣ,
Любопытствомъ и трепетомъ вся толпа сражена.
По столичному городу проѣзжаетъ въ коляскѣ
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами безъ различія всѣхъ,
Вдругъ замѣтила женщина — тамъ, гдѣ храма колонны,
Нѣчто красочно-рѣзкое, задохнувшее смѣхъ:

Оборванецъ, красивѣе всѣхъ любовниковъ замка,
Шевелилъ ея чувственность, раболѣпно застывъ.
И проснулась въ ней женщина, и проснулась въ ней самка,
И она передернулась, какъ въ оркестрѣ мотивъ.

Повелѣла капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядомъ съ собой,
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный — очарованный нищій
Безсознательно выполнилъ гривуазный приказъ,
Утомленная женщина, отшвырнувъ голенищи,
Растоптала коляскою марьонетку проказъ.

1910

Гастрономы древности

Лукуллъ, Октавій, Полліонъ,
Апицій, Клавдій — гастрономы!
Вашъ гурманическій законъ:
Устроить пиръ, вспѣнить ритонъ
И уѣдаться до истомы.

Прославленный архимагиръ,
Одѣтый чуть не въ латиклаву,
Причудами ѣды весь міръ
Дивилъ, и рокотанье лиръ
Отмѣтило его по праву.

Не разъ въ шелкахъ имплувіатъ,
Закутавъ головы кукулемъ,
Къ Лукуллу толпы шли мэнадъ
Пить выгрозденный виноградъ,
Соперничающій съ іюлемъ...

Изъ термъ Агриппы самъ Неронъ,
Искавшій упоенья въ литрѣ,
Шелъ къ гастрономамъ снить свой сонъ,
И не Нерономъ ли пронзенъ
Пронзающій его Димитрій?

И не на этихъ ли пирахъ
Тотъ, кто рожденъ съ душой орлиной, —
Пизонъ, Петроній, — палъ во прахъ,
Сраженный той, чье имя — страхъ:
Статиліею — Мессалиной?

1916

Сонаты въ штормъ

На Вашихъ эффектныхъ нервахъ звучали всю ночь
сонаты,
А Вы возлежали въ башнѣ на ландышевомъ коврѣ...
Трещала, палила буря, и якорные канаты,
Какъ будто титаны-струны, озвучили весь корветъ.

Но развѣ Вамъ было дѣло, что гдѣ-то рыдаютъ и
стонутъ,
Что бѣшеный штормъ грохочетъ, бросая на скалы
фрегатъ.
Вы пили вино мятежно, Вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошекъ, но ярче былъ взоровъ агатъ!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набѣгалъ на корабль.
А Вы, сѣменя гранаты, смѣясь цѣловали артиста...
Онъ сѣлъ за рояль, какъ геній, — окончилъ игру,
какъ рабъ...

1911

Шампанскій полонезъ

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію! —
Ея цѣломудріемъ святѣетъ оно.
Mignon съ Escamillio! Mignon съ Escamillio!
Шампанское въ лиліи — святое вино.

Шампанское, въ лиліи журчащее, искристо —
Вино, упоенное бокаломъ цвѣтка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обоженною восторгомъ глотка!

Голубку и ястреба. Ригсдагъ и Бастилію!
Кокотку и схимника! Порывность и сонъ!
Въ шампанское лилію! Шампанскаго въ лилію!
Въ моряхъ Дисгармоніи — маякъ Унисонъ!

1912

Это было у моря

Поэма-миньонетъ

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла — въ башнѣ замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

1910

Зизи

„Постигнуть сердцемъ все возможно
непостижимое уму"...
К. Фофановъ.

Безшумно шло моторное ландо
По „островамъ" къ зеленому „пуанту",
И взоръ Зизи, пѣвучѣе рондо,
Скользя въ лорнетъ, томилъ колѣни франту...

Хруститъ отъ шинъ заносчиво шоссе,
И воздухъ полнъ весенняго удушья,
Въ ея душѣ — осколки строфъ Мюссэ,
А на лицѣ — обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, можетъ быть, цѣла души скрижаль,
И лилія не можетъ быть кокоткой?

Останови моторъ! сними манто
И шелкъ бѣлья, безчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя изъ ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажетъ Пустота
Подъ шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! — такая нагота
Великолѣпнѣй всѣхъ великолѣпій!

1910

Каретка куртизанки

Каретка куртизанки, въ коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляжъ.
Чтобъ ножки не промокли, ихъ надо окалошить, —
Блюстителемъ здоровья назначенъ юный пажъ.

Кудрявымъ музыкантамъ предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитръ!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру изъ мелодичныхъ цитръ?

Цилиндры солнцевѣютъ, причесанные лоско,
И дамьи туалеты пригодны для витринъ.
Смѣется куртизанка. Ей вторитъ солнце броско.
Какъ хорошо въ буфетѣ пить кремъ-де-мандаринъ!

За чѣмъ же дѣло стало? — къ буфету, черный
кучеръ!
Гарсонъ, съимпровизируй блестящій файвъ-о-клокъ...
Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И пажъ къ ботинкамъ дамы, какъ фокстерьеръ,
прилегъ...

1911

Нелли

Константину Олимпову

Въ будуарѣ тоскующей нарумяненной Нелли,
Гдѣ подъ пудрой молитвенникъ, а на ней Поль де-Кокъ,
Гдѣ брюссельское кружево... на платкѣ изъ фланели! —
На кушеткѣ загрезился молодой педагогъ.

Познакомился въ оперѣ и влюбился, какъ юнкеръ.
Онъ готовъ осупружиться, онъ рѣшился на все.
Передъ нею онъ держится, точно мальчикъ, на стрункѣ,
Съ нею въ паркѣ катается и играетъ въ серсо.

Онъ читаетъ ей Шницлера, посвящаетъ въ коктэбли,
Восхваливъ авіацію, осуждаетъ Китай
И, въ ревнивомъ невѣріи, тайно мѣтитъ въ констэбли...
Нелли нехотя слушаетъ, — „лучше ты покатай“.

„Философія похоти!“... Нелли думаетъ ѣдко:
„Я въ любви разувѣрилась, господинъ педагогъ...
О, когда бы на „Блеріо“ помѣстилась кушетка!
Иинтродукція — Гауптманъ, а финалъ — Поль де-Кокъ!“

1911

Клубъ дамъ

Я въ комфортабельной каретѣ, на эллипсическихъ
рессорахъ,
Люблю заѣхать въ златополдень на чашку чая въ
жено-клубъ,
Гдѣ вкусно сплетничаютъ дамы о свѣтскихъ дрязгахъ
и о ссорахъ,
Гдѣ глупый вправѣ слыть не глупымъ, но умный
непремѣнно глупъ...

О, фешенебельныя темы! отъ васъ тоска моя
развѣется!
Трепещутъ губы иронично, какъ земляничное желе...
— „Индѣйцы — точно ананасы, и ананасы —
какъ индѣйцы“...
Остритъ креолка, вспоминая о экзотической землѣ.

Градоначальница зѣваетъ, облокотясь на піанино,
И смотритъ въ окна, гдѣ истомно бредетъ
хмелѣющій іюль.
Вкругъ золотѣетъ паутина, какъ символъ лѣнныхъ
плѣновъ сплина,
И я, сравнивъ себя со всѣми, люблю клубъ дамъ
не потому-ль?..

1912

M-me Sans-Gêne

Разсказъ путешественницы

Это было въ тропической Мексикѣ, —
Гдѣ еще не спускался бипланъ,
Гдѣ такъ вкусны пушистые персики, —
Въ бѣломъ ранчо у моста ліанъ.

Далеко-далеко, за льяносами,
Гдѣ цвѣты ядовитѣе змѣй,
Съ индіанками плоско-курносыми
Повстрѣчалась я въ жизни моей.

Я гостила у дикаго племени,
Кругозоръ былъ и ярокъ, и новъ.
Много-много ужъ этому времени!
Много-много ужъ этому сновъ!

Съ жаркой кровью, бурливѣе кратера
Краснокожій металъ бумерангъ,
И нерѣдко отъ выстрѣла скваттера
Уносилъ его стройный мустангъ.

А бывало: пунцовыми ранами
Пачкалъ въ ранчо бамбуковый полъ...
Я кормила индѣйца бананами,
Уважать заставляла свой полъ...

Задушите меня, зацарапайте, —
Предпочтенье отдамъ дикарю,
Потому что любила на Западѣ
И за это себя не корю...

1910

Процвѣтъ Амазоніи

Въѣзжаетъ дамья кавалерія
Во дворъ дворца, подъ алый звонъ.
Выходитъ президентъ Валерія
На бѣломраморный балконъ.

Съ лицомъ нѣмымъ, съ душою пахотной,
Кивая сдержанно полкамъ,
Передаетъ накидокъ бархатный
Предупредительнымъ рукамъ.

Сойдя олиліенной лѣстницей,
Она идетъ на правый флангъ,
Гдѣ передъ нею, предъ извѣстницей,
Уже безумится мустангъ.

Подъ полонезъ Томà блистательный
Она садится на коня,
Командой строго-зажигательной
Всѣ эскадроны съединя.

Отъ адъютанта донесенія
Принявъ, зоветъ войска въ походъ:
„Ахъ, наступаютъ дни весенніе
И надо же... найти исходъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мужчины умерли,
Утѣха женщины — война...
Мучительны весною сумерки,
Когда призывишь, — и одна...

Но есть страна — mesdames, довѣріе! —
Гдѣ живъ одинъ орангъ-утангъ.
И онъ — воскликнула Валерія —
Онъ будетъ нашъ! Впередъ мустангъ!“

И увядавшая лавзонія
Вновь заструила фиміамъ . . .
Такъ процвѣтаетъ Амазонія,
Вся состоящая изъ дамъ.

1913

Самоубійца

Вы выбѣжали изъ зала на вѣтровую веранду,
Повисшую живописно надъ пропастью и надъ рѣкой.
Разнитивъ клубокъ восторга, напомнили Аріадну,
Гирлянду нарциссовъ бѣлыхъ искомкали смуглой рукой.

Вамъ такъ надоѣли люди, но некуда было дѣться.
Хрипѣла и выла пропасть. Въ рѣкѣ утопалъ рыболовъ.
Изъ оконъ смѣялся говоръ. Оркестръ игралъ
интермеццо.
Лицо Ваше стало блѣднымъ, и взоръ бирюзовый —
лиловъ.

Какъ выстрѣлъ, шатнулись двери. Какъ крылья,
метнулись фраки.
Картавила банда дэнди, но Вамъ показалось — гориллъ.
Какъ загнанная лисица, дрожа въ озаренномъ мракѣ,
Кого-то Вы укусили и прыгнули въ бездну съ перилъ!

1912

Женщина въ тюльбэри

Она пріѣзжала ко мнѣ въ голубомъ тюльбэри,
Когда утомленное солнце смѣнялось луною.
Встрѣчалъ ее конюхъ, принявъ отъ нея: „убери.“
Она поспѣшала скорѣй повидаться со мною
И быстро взбѣгала, заставивъ шептаться батистъ,
На темный балконъ, проходила поспѣшно вдоль зала
И — въ мой кабинетъ. Улыбалась, какъ тонкій
артистъ...
А сердце любило, хотя о любви не сказало!
Стихала въ дверяхъ. Я перо оживлялъ за столомъ,
Рисуя мгновенье... Глаза наслаждались глазами...
Затѣмъ подходила, склоняясь высокимъ челомъ,
И я цѣловалъ ея губы, сверкая слезами.
Мы съ ней говорили немного: зачѣмъ намъ слова,
Когда мы сольемся въ молчаньи чудеснѣй и краше?
Я пилъ эти губы... Она успѣвала едва
Наполнить ихъ страстью и вновь подносила,
какъ чаши...

1909

Поэза о тысяча первомъ знакомствѣ

Лакей и сенъ-бернаръ — ахъ, оба баритоны! —
Встрѣчали насъ въ дверяхъ отвѣтомъ на звонокъ.
Камеліи. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диванъ. И шесть безшумныхъ ногъ.

Мы двое къ ней пришли. Она была чужою.
Онъ зналъ ее, но я представленъ въ этотъ разъ.
Мнѣ сдержанный привѣтъ, и сенъ-бернару Джою
Уйти куда-нибудь и не мѣшать — приказъ.

Салонный разговоръ, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетеръ,
И мы уже не мы: Альфредъ и Травіата.
И вотъ уже оркестръ. И вотъ уже партеръ.

Такъ, входимъ въ роли мы совсѣмъ непроизвольно.
Но рѣжетъ сердце мнѣ точеный комплиментъ.
Какъ больно говорить! Какъ нестерпимо больно,
Когда предвидишь вотъ любой, любой моментъ!

Все знаемъ напередъ, и будетъ то, что смято
Когда-то, кѣмъ-то, какъ и гдѣ — не все равно-ль?
И въ ужасѣ, въ доскѣ, — Альфредъ и Травіата, —
Мы шутимъ — какъ тогда! — лелѣя нашу боль...

1914

Поэза трехъ принцессъ

Моя дежурная адъютантесса, —
Принцесса Юнія де-Віантро, —
Вмолнилась въ комнату быстрѣй экспресса,
И доложила мнѣ, смѣясь остро:

„Я къ вамъ по поводу Торквато Тассо...
Въ гаремѣ — паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Мнѣ даже некогда пригубить жало,
И взоръ сиреневый плеснуть въ лазорь:
Бѣгу — мороженое изъ фіалокъ
Вамъ выльдить къ празднику Лимонныхъ Зорь..."

И фіолетовая, какъ черника,
Фигурка Юніи газéлитъ въ садъ.
Дверь раскрыляется, и Вероника
Уже готовится журчать докладъ:

„Я къ Вамъ по поводу Торквато Тассо...
Въ гаремѣ — паника. Грозитъ бойкотъ...
Въ негодованіи княжна Инстасса,
И къ свѣтозарному сама идетъ.

Но — ахъ! — мнѣ некогда къ Вамъ на колѣни,
„Кальвиль раздорія" среди принцессъ;
Варить приходится ликеръ сирени
Для неисчерпываемыхъ поэзъ."

И точно ласточка въ окно порхнула,
Слегка вервэною проколыхавъ...
Віолончелили отъ меццо-гула
Въ саду наструненныя души травъ...

И въ этихъ ȯтгулахъ рванулись двери, —
И, изумительнѣйшій гастрономъ,
Знатокъ изысканнѣйшихъ эксцессерій,
Инстасса въѣхала на ворономъ.

„Мы, изучавшія Торкватто Тассо
По повелѣнію, по твоему, —
Всѣ перессорились... но я, Инстасса,
Всѣхъ оправдаю я и все пойму.

Утишу бѣшенство и шумъ базарный,
Всѣхъ женъ разрозненныхъ объединя,
Лишь ты, мечтанный мой, мой свѣтозарный,
Впусти не въ очередь къ себѣ меня.“

1915

Диссона

Георгію Иванову

Въ желтой гостиной, изъ сѣраго клена, съ обивкою
шелковой,
Ваше Сіятельство любитъ по вторникамъ томный
журфиксъ.
Въ дамской венгеркѣ комичнаго цвѣта, коричнево-
бѣлковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэксъ,
Нѣгно вдыхая сигары эрцгерцога абрисъ фіалковый...

Ваше Сіятельство къ тридцатилѣтнему — модному
— возрасту
Тѣло имѣете универсальное... какъ барельефъ...
Душу душистую, тщательно скрытую въ шелковомъ
шелестѣ,
Очень удобную для проститутокъ и для королевъ...
Впрочемъ, простите мнѣ, Ваше Сіятельство, алыя
шалости...

Вашимъ супругомъ, посломъ въ Арлекиніи, ярко
правительство!
Умъ и талантъ дипломата суть высшія качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Какъ и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое-жъ лучшее въ немъ, это — Ваше Сіятельство!

1912

Соната „Изелина“

(Кнутъ Гамсунъ, „Панъ“)

I. Встрѣча

Спи, спи! пока ты будешь спать,
Я разскажу тебѣ о ночи
Моей любви, какъ не отдать
Себя ему — не стало мочи.

Я дверь забыла запереть
Свою шестнадцатой весною:
Ахъ, вѣялъ теплый вѣтеръ вѣдь,
Ахъ, что-то дѣлалось со мною...

Онъ появился, какъ орелъ.
Мы встрѣтились однажды утромъ
Передъ охотой. Онъ пришелъ
Изъ странствій юно-златокудрымъ.

Со мной по саду онъ гулялъ
И, лишь меня рукой коснулся,
Онъ близкимъ, онъ роднымъ мнѣ сталъ —
Въ насъ точно кто-то встрепенулся.

И у него на бѣломъ лбу
Два лихорадочныхъ и красныхъ
Пятна явилось. Я судьбу
Узрѣла въ нихъ — въ желаньяхъ страстныхъ.

II. Наивность

Потомъ... Потомъ я вышла въ садъ,
Его искала и боялась
Найти. А губы чуть дрожатъ
Желаннымъ именемъ. Смеркалось.

Вдругъ онъ выходитъ изъ кустовъ
И шепчетъ: „Ночью. Въ часъ". Вздыхаетъ.
Вдыхаетъароматъ цвѣтовъ.
Молчитъ. Молчитъ — и исчезаетъ.

Что этимъ онъ хотѣлъ сказать:
„Сегодня ночью. Въ часъ?" — не знаю,
Вы это можете понять?
Я — ничего не понимаю.

Что долженъ онъ уѣхать въ часъ,
Хотѣлъ сказать онъ, вѣроятно?..
Что мнѣ за дѣло! вотъ такъ разъ:
Зачѣмъ мнѣ это непонятно?..

III. Первое свиданіе

И вотъ я забываю дверь
Свою закрыть, и въ часъ онъ входитъ...
Какъ я изумлена теперь,
Что дверь открытою находитъ!..

— Но развѣ дверь не заперта?.. —
Я спрашиваю. Предо мною —
Его глаза, его уста,
Въ нихъ фраза: „я ее закрою"...

Но топота его сапогъ
Боюсь: разбудитъ онъ служанку.
И стула скрипъ, и топотъ ногъ...
„Не сѣсть ли мнѣ на отоманку?"

— Да, — говорю. Лишь потому,
Что стулъ скрипѣлъ... Ахъ, оттого лишь!..
Онъ сѣлъ, приблизясь къ моему
Плечу. Я — въ сторону. Неволишь?..

Глаза я опустила. Онъ
Сказалъ: „ты зябнешь". Взялъ за руку,
Своею обнялъ. Входимъ въ сонъ.
Пѣтухъ провозгласилъ разлуку.

IV. Вкушеніе

„Пропѣлъ пѣтухъ, ты слышалъ?“ Сжалъ
Меня, — совсѣмъ я растерялась.
Я бормотала: ты слыхалъ?
Ты не ослышался? Металась,

Хотѣла встать. Но вновь на лбу
Пятна два лихорадно — красныхъ
Увидѣвъ, ввѣрила судьбу
Свою глазамъ его прекраснымъ...

Настало утро. Пробудясь,
Я комнаты не узнавала
И даже башмачковъ. Смѣясь,
Себя невольно вопрошала:

Во мнѣ струится что-то. Что-жъ
Во мнѣ струиться-то могло бы?..
Который часъ, — какъ тутъ поймешь
И я — одна? и мы — не оба?..

V. Восторгъ

Ахъ, я не знаю ничего...
Лишь помню: дверь закрыть забыла...
Служанка входитъ: „Отчего
Свои цвѣты ты не полила?“

— Я ихъ забыла. — Снова та:
„Гдѣ платье ты свое измяла?“
Смѣется сердце. Та-та-та!
О, если бы я это знала!..

Подъѣхалъ къ саду фаэтонъ...
„И ты не накормила кошку“,
Твердитъ служанка. „Это — онъ!“
Твердитъ мнѣ сердце. Я — къ окошку!

Проси, проси его ко мнѣ, —
Я жду его: мнѣ надо что-то...
И у меня наединѣ —
Запретъ онъ дверь? — одна забота...

VI. Второе свиданіе

Стучится. Отворяю. И,
Желая оказать услугу,
Дверь вмигъ на ключъ. Въ уста мои
Меня цѣлуетъ, какъ подругу.

— Не посылала за тобой, —
Шепчу... „Такъ ты не посылала?“
Смущаюсь и кричу душой:
— Да, мнѣ тебя не доставало!

Да, посылала! да, побудь
Немного здѣсь! — Глаза руками
Закрыла отъ любви, на грудь
Къ нему склонивъ уста съ глазами...

„Но кажется пропѣлъ пѣтухъ?“
Онъ сталъ прислушиваться. Я же
Подумала невольно вслухъ:
— Какъ это могъ подумать даже?

Никто не пѣлъ. Пожалуй, лишь
Кудахтала немного кура...
Онъ мнѣ: „немного погодишь, —
Я дверь запру.“ И вечеръ хмуро

Въ окно взглянулъ. А я едва
Могла шепнуть: — Но дверь закрыта...
Я заперла уже... — Трава,
Деревья, все — луной облито.

VII. У зеркала

Уѣхалъ онъ опять. Во мнѣ
Какъ будто золото струилось.
Я — къ зеркалу. Тамъ, въ глубинѣ,
Влюбленныхъ глаза два свѣтилось.

Лишь я увидѣла тотъ взглядъ,
Во мнѣ вдругъ что-то задрожало,
И заструился сладкій ядъ
Вкругъ сердца, выпуская жало...

О, раньше я была не та:
Такъ на себя я не смотрѣла!..
И въ зеркалѣ себя въ уста
Поцѣловать я захотѣла...

1918 Toila

Поэза безъ названія

Князь взялъ тебя изъ дворницкой. Въ шелка
Одѣлъ дитя, удобное для „жмурокъ"...
Онъ для тебя не вышелъ изъ полка,
А поигралъ, и бросилъ, какъ окурокъ.

Онъ роскошью тебя очаровалъ
И отуманилъ слабый умъ ликеромъ,
И возвратилась ты въ родной подвалъ,
Не осудивъ любовника укоромъ.

Пришелъ поэтъ. Онъ сталъ тебѣ внимать
И взялъ къ себѣ въ убогую мансарду,
Но у него была старуха мать,
Язвившая за прежнюю кокарду.

И ты ушла вторично въ свой вертепъ,
А нищій скальдъ „сошелъ, въ тоскѣ, въ могилу".
Ты не могла трудомъ добыть свой хлѣбъ,
Но жить въ подвалѣ стало не подъ силу.

И ты пошла на улицу, склонясь
Предъ „рокомъ злымъ", съ раскрытымъ прейсъ-
курантомъ.
И у тебя въ мечтѣ остался — князь
Съ душой того, кто грѣлъ тебя талантомъ.

1911

Грацiоза

Дмитрiю Крючкову

Я нѣжно хотѣлъ бы уснуть,
Уснуть — не проснуться...
Далеко-далеко уйти,
Уйти, — не вернуться...

Хотѣлъ бы ее цѣловать,
Почти не цѣлуя:
Словами, вѣдь, грубо сказать,
Какъ тонко люблю я...

Ни страсти хочу, ни огня,
А боли слiянья,
Чтобъ тѣломъ къ ней въ тѣло войти
Войти для страданья...

Хочу я не тѣла ея,
Но лишь черезъ тѣло
Прочувствовать душу могу
Всецѣло...

1911

Барбарисовая поэза

Гувернантка-барышня
Вноситъ въ кабинетъ
Въ чашечкахъ фарфоровыхъ
Crème d'épine vinette.

Чашечки неполныя
Дѣвственны на видъ.
Въ золотой печенницѣ
Англійскій бисквитъ.

Въ кабинетѣ общество
Въ девять человѣкъ.
Окна въ садъ растворены,
Въ садъ, гдѣ рѣчи рѣкъ.

На березахъ отсвѣты
Неба. О, капризъ! —
Волны, небо, барышня
Цвѣта „барбарисъ“.

И ея сіятельство
Навела лорнетъ
На природу, ставшую
Grème d'épine vinette.

1914

Янтарная элегія

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ.
А. Пушкинъ.

Вы помните прелестный уголокъ —
Осенній паркъ, въ цвѣту янтарно-аломъ?
И мраморъ урнъ, поставленныхъ бокаломъ
На перекресткѣ палевыхъ дорогъ?

Вы помните студеное стекло
Зеленыхъ струй форелевой рѣчонки?
Вы помните комичные опенки
Подъ кедрами, склонившими чело?

Вы помните надъ рѣчкою шалэ,
Какъ я назвалъ трехкомнатную дачу,
Гдѣ плакалъ я отъ счастья и заплачу
Еще не разъ о ласкѣ и теплѣ?

Вы помните... О, да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мнѣ хочется Васъ грезами исполнить
И попроситься робко къ Вамъ въ друзья...

1911

Письмо изъ усадьбы

> Въ мои мечты неизреченныя
> Вплелась вечерняя печаль.
>
> Мирра Лохвицкая.

Вчера читала я, — Тургеневъ
Меня опять зачаровалъ.
Закатный западъ былъ сиреневъ
И, все въ грядущемъ обезцѣнивъ,
Меня къ былому призывалъ.
Шелъ тихій снѣгъ; вдали долины
Снѣжѣли, точно полотно;
Глядѣли голыя малины
Въ мое любимое окно.
Всегда все то же, все одно...
Мнѣ запечалилось. Я вышла
Въ холодный омертвѣлый садъ, —
Онъ былъ отъ снѣга полосатъ.
Пошла къ каретнику; на дышло
Облокотилась, постоявъ
Минуты двѣ; потомъ я въ сани
Присѣла мягко, крикнувъ Санѣ
Свезти къ рѣкѣ меня. Твоя
Въ то время я была, мой нѣжный,
Тобой дышала въ этотъ мигъ!
А потому я напрямикъ,
Окружена природой снѣжной,
Къ тебѣ стремилася въ мечтѣ...
(Вы, эти, тутъ, — далече тѣ!..) —
Мои мечты... О, знаешь ихъ ты, —
Онѣ неясны, какъ намекъ...
Ихъ понимаютъ только пихты,
А человѣку невдомекъ...
Но ты не думай: я не буду

Былого трогать, — гдѣ та кисть,
Чтобъ передать мою корысть
Къ минувшимъ днямъ? Кто вѣритъ въ Будду,
Тому не нуженъ Магометъ.
Какъ міру страшенъ хвостъ кометъ,
Такъ мнѣ — столица: вѣдь, концерты
Тебя отъ поля отвлекли.
И ужъ давно твои конверты
Я не вскрываю... Заколи!
Замучь меня! повѣсь! — но дай мнѣ
Хотя два слова о себѣ.
Какъ въ алфавитѣ „а“ и „б“,
Такъ мы съ тобою въ нашей тайнѣ.
Я такъ люблю свои поля,
Свои игольчатыя рощи.
Что можетъ быть милѣй и проще
Усадьбы нашей? Жизнь паля,
Какъ хворостъ, въ шелковыхъ салонахъ,
Я такъ измучилась, я такъ
Истосковалась... За „пятакъ“
Я не купила бъ опаленныхъ
Столичныхъ душъ съ ихъ пустотой,
Задрапированной мишурно.
А здѣсь — то, здѣсь — то! Какъ лазурно
Сіяетъ небо; простотой
Здѣсь вѣетъ воздухъ. Посмотрѣлъ бы,
Какъ я похорошѣла тутъ!
Какъ розы алыя, цвѣтутъ
Мои ланиты, — это вербы
Рождаютъ розы на лицѣ!..
Приди ко мнѣ, забудь столицу, —
Я быль даю за небылицу,
Начало чувствую въ концѣ...
Не бойся „скуки деревенской“,
Предай забвенью мишуру!

Съ твоей душой, душой вселенской,
Не мѣсто тамъ, — „не ко двору"
Пришелся ты; ты только вникни,
Приди ко мнѣ, ко мнѣ приникни,
И позабудься на груди,
Тобой трепещущей... Приди!..

1910

Въ грѣхѣ — забвенье!

Ты — женщина, и этимъ ты права.
Валерій Брюсовъ.

Вся радость — въ прошломъ, въ такомъ далекомъ
и безвозвратномъ,
А въ настоящемъ — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ закатномъ,
Любви и страсти; — его плѣняетъ неосторожность...

Устало сердце отъ узкихъ рамокъ благополучья,
Оно въ уныньи, оно въ оковахъ, оно въ томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ безлучьи,
Оно трепещетъ такою скорбью, все въ гипсѣ лѣни...

А жизнь чаруетъ и соблазняетъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущеньи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ сиротъ...
Но одиноко его біенье, и нѣтъ единства...
А жизнь проходитъ, и склепъ холодный, быть-
можетъ, вырытъ...

О, сердце! сердце! твое спасенье — въ твоемъ безумьи!
Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грѣши отважнѣй! пусть добродѣтель — удѣломъ мумій:
Въ грѣхѣ — забвенье! а тамъ — хоть пуля, а
тамъ — хоть рельсы!

Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!
Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты — право! сомнѣнья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

1911

За чаемъ послѣ оперы

— Онъ лучшій изо всѣхъ моихъ Хозэ. —
Прощебетала пылкая Ирина,
Изящно выпивъ ломтикъ мандарина.
Пѣлъ самоваръ. Отрѣзавъ сыръ въ слезѣ
И разорвавши розанчикъ, старушка
Прошамкала: „ты, дѣтушка, права;
Въ немъ жизнь кипитъ и бьется за права".
— Безсмертіе, — Ирэнъ мечтала: — душка!.. —

А знаете ли, милыя mesdames,
(Ахъ, господа, мы многаго не знаемъ!)
Что теноръ, такъ понравившійся вамъ,
Ужъ не артистъ, а — кости подъ трамваемъ?

1909

Это сонъ или бредъ?..

Это сонъ или бредъ? Это греза иль жизни отрывокъ?
Я опять цѣловалъ эти губы, вкушая отвѣтъ!
И луна расцвѣла, и у ржи золотѣющихъ гривокъ
Отдыхала мечтой, посылая колосьямъ привѣтъ.

Ты ко мнѣ подошла, подошла улыбаясь тревожно,
Заглянула въ глаза, молча руку свою подала...
Это такъ хорошо, что увидѣть во снѣ невозможно!
Это явь! это жизнь! ты не грезилась мнѣ, — ты была!

1909

Berceuse сирени

Когда сиреневое море, свой горизонтъ офіолетивъ,
Задремлетъ, въ зеркалѣ вечернемъ луну лимонно
отразивъ,
Я задаю вопросъ природѣ, но, ничего мнѣ не отвѣтивъ,
Въ оцѣпенѣньи сна блистаетъ, и этотъ сонъ ея
красивъ!

Ночь, бѣлой лиліей провѣявъ, взлетаетъ, точно
бѣлый лебедь,
И исчезаетъ бѣлой феей — такъ по весеннему бѣла,
Что жаждутъ жалкую планету своею музыкой онебить,
Бряцая золотомъ восхода, румяные колокола.

Всѣ эти краски ароматовъ, всю филигранность
настроеній
Я ощущаю бѣлой ночью у моря, спящаго въ стеклѣ,
Когда, не утопая тонетъ, лимонъ луны въ его сирени,
И, отъ себя изнемогая, сирень всѣхъ нѣжитъ на землѣ.

1918 Toila

Любопытство Эклерезиты

— Мама, милая мамочка,
Скоро-ль будетъ война?
— Что съ тобой, моя дѣвочка?
Можетъ быть, ты больна?

— Всѣ сосѣди сражаются,
Не воюемъ лишь мы.
— Но у насъ, слава Господу,
Всѣ здоровы умы.

— Почему насъ не трогаютъ?
Не плѣнятъ почему?
— Потому что Миррэлія
Не видна никому...

— Почему жъ наша родина
Никому не видна?
— Потому что вселенная
Намъ съ тобой не нужна...

— Мама, милая мамочка,
Плачетъ сердце мое...
— Различай, моя дѣвочка,
Отъ чужого — свое...

— Ну, а что окружаетъ насъ?
Кто ближайшій сосѣдъ?
— Кромѣ звѣздъ и Миррэліи
Ничего въ мірѣ нѣтъ!

1916 Им. „Бѣльскъ"

Эпиталама Ингридъ

Какъ нѣкогда Балькисъ стремилась къ Соломону,
Я къ Эрику неслась на парусахъ души.
Я видѣла во снѣ полярную корону
И ледяной дворецъ... И музыку тиши
Я слушала, дрожа, предчувствіемъ томима,
Предчувствіемъ того, что вѣчно буду съ нимъ.
И вотъ сбылся мой сонъ: я королемъ любима,
И стала я его, и сталъ король моимъ.
О какъ же мнѣ воспѣть вѣнецъ моихъ стремленій,
Вѣнецъ моей любви и торжества вѣнецъ.
Я славлю царство льда, фіордовъ и оленей,
Любовникъ мой! мой братъ! тсварищъ! и отецъ!
Я славлю бѣлый край, въ которомъ ты королишь,
И приношу я въ даръ тебѣ свою страну,
Молю тебя, какъ ты одно лишь небо молишь:
Владѣй мной цѣликомъ! люби меня одну!
Рабою припаду къ блистательному трону —
Цѣлуй меня иль бей! Ласкай иль задуши! —
Подобна я Балькисъ, какъ Эрикъ — Соломону,
Душа моей мечты! мечта моей души!

1916

Интродукція къ т. IX

Я — соловей: я безъ тенденцій
И безъ особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, —
Поймутъ меня, пѣвца весны.

Я — соловей, — я сѣроптичка, —
Но пѣсня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всѣхъ въ нездѣшніе края.

Я — соловей! на что мнѣ критикъ
Со всей небожностью своей? —
Ищи, свинья, усладъ въ корытѣ,
А не въ рулладахъ изъ вѣтвеи!

Я — соловей, и, кромѣ пѣсенъ,
Нѣтъ пользы отъ меня иной.
Я такъ безсмысленно чудесенъ,
Что Смыслъ склонился предо-мной!

1918 Toila

Сердце, печалься...

Когда за сценою хоръ дѣвушекъ аукалъ,
И Восхищеніе писало мемуаръ, —
Ихъ было нѣсколько, нарядныхъ этихъ куколъ,
Пришедшихъ въ оперу послушать свой муаръ.

Пусть сердце разуму шептало: „овуалься...“
Пусть разумъ внемлющій развѣевался въ лунь... —
Ихъ было нѣсколько, непьющихъ влаги вальса,
Бездушно — вдумчивыхъ, и юныхъ, какъ іюнь.

...Ахъ, не обидно ли: представить, что у оконъ,
Зеленымъ вечеромъ, затянуты въ корсетъ,
Онѣ не чувствуютъ, какъ бродитъ въ рѣчкѣ окунь,
Какъ фантазируетъ туманъ, бѣлесо-сѣдъ.

Ихъ было нѣсколько, невиннѣе Прилѣпы,
И содержательнѣй, чѣмъ „Тоски“ среднїй актъ.
Но не обидно ли, — ихъ души были слѣпы
Для впечатлѣнія и спали, точно склепы,
Подъ камнемъ разума, гдѣ высѣчено: — „Тактъ“.

1910

Увертюра къ т. VIII

Весна моя! ты съ каждою весной
Все дальше отъ меня, — мнѣ все больнѣе...
И, въ ужасѣ, молю я, цѣпенѣя:
Весна моя! побудь еще со мной!

Побудь еще со мной, моя Весна,
Какихъ-нибудь два—три весеннихъ года:
Я жизнь люблю! мнѣ дорога природа!
Весна моя! душа моя юна!

Но чувствуя, что ты здѣсь ни при чемъ,
Что старости остановить не въ силахъ
Ни я, ни ты — послѣднихъ лилій милыхъ,
Весна моя, пѣвецъ согрѣтъ лучомъ...

Взволнованный, я ихъ беру въ вѣнокъ
Твои цвѣты, стихи моего дѣтства
И юности, исполненные дѣвства, —
Изъ подъ твоихъ, Весна, невинныхъ ногъ.

Вѣнокъ цвѣтовъ, — стиховъ наивный томъ, —
Дарю тому безвѣстному, кто любитъ
Меня всего, кто злобой не огрубитъ
Ихъ нѣжности, и приметъ ихъ въ свой домъ.

Надменно презираемая мной,
Пусть Критика пройдетъ въ молчаньи мимо,
Не осквернивъ насмѣшкой — серафима,
Зовущагося на землѣ: Весной.

1918 Toila

Поэза странностей жизни

Встрѣчаются, чтобъ разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтаютъ, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицѣ хочется глуши...
И всюду человѣчьи лица
Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста.

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!.

1916 Москва

Поэза лунныхъ настроенiй

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
Луна серебрѣетъ...
Прозрачная тишь...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
И лѣсъ скелетѣетъ...
Зачѣмъ ты молчишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
Не дышитъ, не вѣетъ
Озерный камышъ...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
Поля осенѣютъ...
О чемъ ты грустишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
И въ луни свѣтлѣетъ
Изгорбленность крышъ...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
И ликъ твой блѣднѣетъ...
Что въ сердцѣ таишь?..

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
Подняться не смѣетъ
Летучая мышь...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ...
Мнѣ хочется ласки!.. —
Откликнись! Пойми-жъ!

1916

Все глуше паркъ

А. И. Лопатину

Все глуше паркъ. Все тише-тише конь.
Издалека доносится шаконь.
Я утомленъ, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любитъ ночь, и стало быть — свѣтло...
Я встрѣчъ не жду, и оттого свѣтлѣй
И чище вздохъ окраинныхъ аллей,
Надѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчъ. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой,
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?
Нѣтъ не могла забыть той встрѣчи ты.
Май любитъ ночь, и стало быть — свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Блуждаетъ взоръ межъ лиственныхъ громадъ.
Все глуше паркъ, — все тоньше ароматъ...

1910

Поэза издалека

Ты ледовитыми глазами
Полгода цѣпенишь меня...
За синелистными лѣсами
Живетъ меня добавный я...

Онъ полонъ тѣмъ, чѣмъ я пустѣю...
Во мнѣ, чемъ онъ опустошенъ...
Онъ ждетъ тебя, какъ лѣсофею,
Ты ждешь его, какъ лѣсосонъ...

Весна смѣняется весною,
И осень — осенью. А я
И ты, живущая со мною,
Все чтимъ добавнаго меня...

1915

Поэза о Бельгіи

Вѣрѣ Вертеръ

Кто знаетъ? — ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...

Волшебница! ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣетъ Брюссель.

Не вѣримъ — не можемъ! не смѣемъ! —
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ,
Смертельно ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лувэнъ...

И чей это, шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца,
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?..

О, городъ прославленныхъ устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнъ,
И волнъ, голубѣющихъ шустрицъ, —
О, городъ, трагичный канунъ!..

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Мэтерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?..

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните, —
Не надо, не стоитъ бѣжать!..

Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!..

1914

Октябрь

Люблю октябрь, угрюмый мѣсяцъ,
Люблю обмершіе лѣса,
Когда хромаетъ ветхій мѣсяцъ,
Какъ половина колеса.
Люблю мгновенность: лодка... хоботъ...
Серпъ... полумаска... лѣса шпицъ...
Но кто надтреснулъ лунный ободъ?
Кто воръ лучистыхъ тонкихъ спицъ?
Морозомъ выпитыя лужи
Хрустятъ и хрупки, какъ хрусталь;
Дороги грязно — неуклюжи,
И воздухъ сковываетъ сталь.
Какъ бредъ земли больной, туманы
Сердито ползаютъ въ поляхъ
И отстраданные обманы
Дымятъ при блескѣ лунныхъ бляхъ.
И сколько смерти безнадежья
Въ безлистномъ шелестѣ страницъ!
Душѣ не знать любви безбрежья,
Не разрушать душѣ границъ!
Есть что то хитрое въ усмѣшкѣ
Сѣдой улыбки октября,
Въ его сухой ехидной спѣшкѣ,
Когда онъ бродитъ, тьму храбря.
Октябрь и Смерть — въ законѣ пара,
Сліянно — тѣсная чета...
Въ поляхъ — туманъ, какъ саванъ пара,
Въ душѣ — обмершая мечта.
Скелетомъ чернымъ перелѣсецъ
Пускай пугаетъ: страхъ сожну.
Люблю октябрь, предснѣжный мѣсяцъ,
И Смерть, развратную жену!..

1910

Поэза о вальдшнепѣ и зайчикѣ

Синеглазый вальдшнепъ и лукавый зайчикъ,
Маленькій кусайчикъ,
Весело играя, бѣгали въ столовой.
Гасъ закатъ лиловый.

Вальдшнепъ длинноклювый, зайчикова цвѣта,
Сожалѣлъ, что лѣто
Онъ уже отбѣгалъ, — бѣгая, отлѣтилъ,
Милую не встрѣтилъ...

А лукавый зайчикъ, шерсткою какъ вальдшнепъ,
Думалъ, что то дальше,
Осенью — зимою, будетъ съ нимъ такое:
Жизнь или жаркое...

Но въ дверяхъ столовой на ковровомъ тигрѣ
Появилась Ингридъ,
И ея любимцы, и ея питомцы
Вновь познали солнце.

И легко подпрыгнувъ, бросился къ ней зайчикъ,
Ласковый кусайчикъ,
А за нимъ и вальдшнепъ поспѣшилъ къ хозяйкѣ
На спинѣ у зайки...

1916

Тіана

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана...

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлэна — какъ эхо... Мадлэна — какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ!
Влюбляются сердцемъ, но — какъ, если — рана?..

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ:
И дѣвьихъ, и женскихъ, — все то же; къ тому жъ
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить Вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпезный поэзо-концертъ:
Вѣдь прежде такъ просто — луна и поляна.

И вдругъ — Вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, — безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!

1913

Валентина

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жути!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь?
Это было на концертѣ въ медицинскомъ институтѣ,
Ты сидѣла въ вестибюлѣ за продажею афишъ.

Выскочивъ изъ ландолета, дѣвушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановивъ,
Предложила мнѣ программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извивъ.

Ты зашла ко мнѣ въ антрактѣ (не зови его пробѣломъ)
Съ тайной розой, съ красной грезой, съ бирюзовою грозой
Глазъ восторженныхъ и наглыхъ. Ты была въ простомъ и бѣломъ,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этотъ день!.. Съ него — начало. Телефоны и открытки.
Къ начинаньямъ поэтессы я былъ очень милосердъ,
И когда уже ты стала кандидаткой въ фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концертъ.

А потомъ... Купэ. Деревня. Много снѣга, лѣса. Святки.
Замороженныя ночи и крещенская луна.
Домикъ. Нѣжно и уютно. Упоенье безъ оглядки.
Валентина безразсудна! Валентина влюблена!

Все прошло, какъ все проходитъ. И простились мы
неловко:
Я „обманщикъ“, ты сердита, т.-е. просто трафаретъ.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила въ жалкій бредъ!

1914

Ты ко мнѣ не вернешься...

„Златѣ“

Ты ко мнѣ не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки въ родѣ крола:
У тебя теперь дачи, за обѣдомъ — омары,
Ты теперь подъ защитой вороного крыла...

Ты ко мнѣ не вернешься: на тебѣ теперь бархатъ;
Онъ скрываетъ безкрылье утомленныхъ плечей...
Ты ко мнѣ не вернешься: предсказатель на картахъ
Погасилъ за цѣлковый вспышки позднихъ лучей!..

Ты ко мнѣ не вернешься, даже... даже проститься,
Но надъ гробомъ обидно ты намочишь платокъ...
Ты ко мнѣ не вернешься въ тихомъ платьѣ изъ ситца,
Въ платьѣ радостно-жалкомъ, какъ грошовый цвѣтокъ.

Какъ цвѣтокъ... Помнишь розы изъ кисейной бумаги?
О живыхъ ни полъ-слова у могильной плиты!
Ты ко мнѣ не вернешься: грезы больше не маги, —
Я умру одинокимъ, понимаешь ли ты?!.

1910

День на фермѣ

Изъ лепестковъ цвѣтущихъ розово-бѣлыхъ яблонь
Чай подала на подносѣ дѣвочка весенъ восьми.
Шли на посѣвъ крестьяне. Бѣгало солнце по граблямъ.
Псу указавъ на галку, баба сказала: „возьми!“

Было кругомъ раздольно! было повсюду майно!
Какъ золотѣла зелень! воздухъ лазурно-крылатъ!
Бросилась я съ плотины, — какъ то совсѣмъ случайно
Будто была нагая, внизъ головой, въ водопадъ!

И потерявъ сознанье отъ высоты паденья,
Я черезъ мигъ очнулась и забурлила на мысъ...
Я утопляла солнце! плавала цѣлый день я!
А на росѣ, на фермѣ, жадно пила я кумысъ.

1912

Фіалка

Морозову-Гоголю

Снѣжѣетъ дружно, снѣжѣетъ нѣжно,
Надъ ручейками хрусталитъ хрупь.
Куда ни взглянешь — повсюду снѣжно,
И сердце хочетъ въ лѣсную глубь.

Мнѣ больно — больно... Мнѣ жалко — жалко...
Зачѣмъ мнѣ больно? Чего мнѣ жаль?
Ахъ, я не знаю: ахъ, я — фіалка,
Такъ тихо-тихо ушла я въ шаль.

О ты, чье сердце крылитъ къ раздолью,
Ты, тріумфаторъ, ты, властелинъ!
Приди, любуйся моей фіолью —
Моей печалью въ снѣгахъ долинъ.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда побѣдны, внемли, о ты:
Возьми въ ладони меня, какъ въ латы,
Моей фіолью святя мечты!..

1911

Любовь и Слава

Я полюбилъ двухъ юныхъ королевъ,
Равно влекущихъ строго и лукаво.
Кого мнѣ предпочесть изъ этихъ дѣвъ?
Ихъ имена: Любовь и Слава.

Прекрасныя и гордыя! владѣть
Хочу двумя, чарующія, вами.
Въ отвѣтъ надменно блещете очами,
И я читаю въ нихъ: „Не смѣть!"

Влекусь къ любви, — заноситъ ржавый ножъ,
Грозя гангреной, мстительная Слава.
Къ ней поверну, молю ее, — „Направо!"
Кричитъ Любовь: „А я то что-жъ?"

— „Вы обѣ дороги", — стенаю. „Нѣтъ!"
Отвѣтствуютъ мнѣ разомъ дѣвы:
„Одну изъ насъ, — кому свои напѣвы
И жизнь свою вручишь, поэтъ!"

Я выбрать не могу. Прочь, Смерть! — Рабовъ
Удѣлъ — самоубійство! выходъ найденъ:
Дай, Слава, мнѣ питья изъ виноградинъ,
Ты отрави его, Любовь.

1912

Отъѣздъ Герцогини

Она призадумалась въ дверцахъ
Входя въ броненосный вагонъ.
Грустилъ провожающій герцогъ
Унылымъ движеньемъ погонъ.

И дамы, надѣвшія скальпы,
(Фальшивы прически иныхъ!..)
Ее провожали на Альпы, —
Она уѣзжала отъ нихъ.

Блестѣли на темени глянцы,
Качались въ рукахъ котелки,
И горбили спины не ранцы,
А лишь — поцѣлуи руки.

Всѣ хоромъ желали здоровья
И лгали — до искреннихъ слезъ.
Она же, сомкнувъ черноброве,
Ждала оживленья колесъ.

Ничто ее здѣсь не держало:
Мужъ-герцогъ давненько потухъ,
А въ Альпахъ, какъ сладкое жало,
Оставленный ею пастухъ.

Упившись мечтательной сказкой,
Забылась и словъ не спасла,
Что герцогъ, махающій каской,
Былъ въ профиль похожъ на осла!..

1910

Хабанера II

Синьорѣ Za

Вонзите штопоръ въ упругость пробки, —
И взоры женщинъ не будутъ робки!..
Да, взоры женщинъ не будутъ робки,
И къ знойной страсти завьются тропки....

Плесните въ чаши янтарь муската
И созерцайте цвѣта заката...
Раскрасьте мысли въ цвѣта заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщинъ, теряйте мысли...
Счетъ поцѣлуямъ — пойди, исчисли!..
А къ поцѣлуямъ финалъ причисли, —
И будетъ счастье въ удобномъ смыслѣ!..

1909

Сувениръ критикѣ

Ахъ, поглядите-ка! ахъ, посмотрите-ка!
Какая глупая въ Россіи критика:
Зло насмѣялася надъ „Хабанерою“,
Блеснувъ вульгарною своей манерою.

Въ сатирѣ жалящей искала лирики,
Своей бездарности спѣвъ панегирики,
И не разслышала (иль то — политика?)
Моей ироніи глухая критика...

Осталось, звонкими какъ солнце, нотами
Смѣяться автору надъ идіотами,
Да приговаривать: „Ахъ, посмотрите-ка,
Какая подлая въ Россіи критика!“

1910

Месть

Я пришла къ дверямъ твоимъ
Валерій Брюсовъ

Она въ мои стучалась двери,
Но я дверей не отворялъ.
Она ждала въ упорной вѣрѣ, —
Безстрастно я не довѣрялъ.

И слыша стуки, мысля злобно,
Я ликовалъ, какъ вѣчный звѣрь.
Она звала, любви подобна,
Она ко мнѣ врывалась въ дверь.

— Впусти меня, — она кричала:
Я жизнь несу тебѣ: впусти! —
Ей только эхо отвѣчало, —
Я не хотѣлъ себя спасти.

Я не хотѣлъ вернуть потери,
Какъ въ штормъ не хочетъ челнъ вѣтрилъ.
Она мнѣ жизнь бросала въ двери,
А я ей смерть не отворилъ!

1909

Увертюра къ т. VII

Миррэлія — свѣтлое царство,
Край ландышей и лебедей,
Гдѣ нѣтъ ни больныхъ, ни лекарства,
Гдѣ люди не вродѣ людей...

Миррэлія — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя въ вѣкахъ загорится
Для міра искомой Мечтой!

Миррэлія — вѣчная Пасха,
Гдѣ губы влекутся къ губамъ.
Миррэлія — дивная сказка,
Разсказанная мною вамъ.

Миррэлія — греза о югѣ
Сквозь сѣверный мой кабинетъ.
Миррэлія — можетъ быть, въ Лугѣ,
Но Луги въ Миррэліи нѣтъ!..

Качаетъ тамъ лебедя слива,
Какъ символъ восторговъ любви...
Миррэлія! какъ ты счастлива
Въ небывшемъ своемъ бытіи!

1916 Им. „Бѣльскъ"

Поэза безъ словъ

Съеженная рябина ржаво-краснаго тона...
Пальчиками голубика, съ нѣжной фіолью налета...
И ворожба болота...
И колдовство затона...
И нѣмота полета,
И крутизна уклона
Мыши летучей, карей... Мѣсяца позолота.

А вдалекѣ — двѣ скрипки, арфы и віолончели,
И долгота антрактовъ, а въ долготѣ — окарины,
Трели любви соловьиной,
Палевыя качели,
Pas голубой балерины,
Призраки Ботичелли,
И нагота сплетенныхъ Ингридъ и фейной Эльгрины...

1916

Поэза строгой точности

Борису Вѣрину

Искусство въ загонѣ, — сознаемся въ этомъ.
Искусство затлила война.
Что дѣлать въ разбойное время поэтамъ,
Поэтамъ, чья лира нѣжна?

Дни розни партійной для насъ безотрадны,
Дни мелкихъ, ничтожныхъ страстей.
Мы такъ неумѣстны, мы такъ невпопадны
Среди озвѣрѣлыхъ людей.

Мы такъ равнодушны къ ихъ жалкимъ раздорамъ
И къ ихъ интересамъ мертвы.
Мы тянемся къ рѣкамъ и къ вольнымъ просторамъ.
И въ шелковый шепотъ травы.

Мы искренно славимъ паденье престоловъ
Во имя свободы людской!
Но, если и послѣ царей мы въ тяжелыхъ
Раздорахъ, мы машемъ рукой!

Союзникъ царизма — для насъ не союзникъ,
Какъ недругъ царизма — не врагъ.
Свободный художникъ зачахнетъ, какъ узникъ.
Попавъ въ политическій мракъ.

Намъ пакостны ваши враждебные будни,
Мы вѣчнымъ искусствомъ горимъ!
Вы заняты „дѣломъ", а мы только „трутни",
Но званьемъ гордимся своимъ!

Отправьте-жъ искусство куда-нибудь къ миѳу:
Трещитъ отъ него материкъ!
И кланяйтесь въ поясъ Голодному Тифу, —
Диктатору вашихъ интригъ!

1917

На мотивъ Фофанова

Я чувствую, какъ падаютъ цвѣты
Черемухи и яблони невинныхъ...
Я чувствую, какъ шепчутся въ гостиныхъ, —
О чемъ? О комъ? Не знаю, какъ и ты.

Я чувствую, какъ таютъ облака
Въ весенній день на небѣ бирюзовомъ,
Какъ кто-то слухъ чаруетъ полусловомъ...
И чей-то вздохъ... И чья то тѣнь легка...

Я чувствую, какъ угасаетъ май,
Томитъ іюнь, и золотятся жатвы...
Но нѣтъ надеждъ, но безполезны клятвы...
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

1911

Когда ночами...

Когда ночами все тихо-тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтобъ было шумно, чтобъ было лихо,
Чтобъ свѣтъ отъ люстры гналъ сонмъ тѣней!

Дворецъ безмолвенъ, дворецъ пустыненъ,
Беззвучно шепчетъ мнѣ рядъ легендъ...
Ихъ смыслъ болѣзненъ, сюжетъ ихъ длиненъ,
Какъ змѣи черныхъ ползучихъ лентъ...

А сердце плачетъ, а сердце страждетъ,
Вотъ-вотъ порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодій жаждетъ,
Но ночь замкнула, — гдѣ ихъ найдешь?

Сверкните, мысли! разсмѣйтесь, грезы!
Пускайся, Муза, въ эктазный плясъ!
И что намъ — призракъ! и что — угрозы!
Искусство съ нами, — и Богъ за насъ!..

1909

Сегодня не приду...

Сегодня не приду; когда приду — не знаю...
Ея телеграмма.

„Сегодня не приду: когда приду — не знаю..."
Я радуюсь веснѣ, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растетъ трава!
— Подайте мой моторъ. Шоффэръ, на Острова!

Пускай меня къ тебѣ влечетъ неудержимо,
Мнѣ хочется забыть, что я тобой любима,
Чтобъ чувствовать острѣй весенній этотъ день,
Чтобъ слаже тосковать... — Въ сирень, шоффэръ!
въ сирень!

Я такъ тебя люблю, что быть съ тобою вмѣстѣ
Порой мнѣ тяжело: ты мнѣ, своей невѣстѣ,
Такъ много счастья далъ, собой меня впитавъ,
Что отдыхъ отъ тебя среди цвѣтовъ и травъ...

Пощады мнѣ, молю! Я требую пощады!
Я видѣть не могу тебя и мнѣ не надо...
— Нельзя ли по морю, шоффэръ?.. а на звѣзду?..
Чтобъ только какъ-нибудь: „сегодня не приду"...

1914

Еще Вы дѣвушка

Еще Вы дѣвушка: вѣдь этотъ алый крапатъ
На блузкѣ лиліебатистовой — весень...
Еще Вы дѣвушка, читающая Западъ,
Секретъ несущая въ сиреневую сѣнь.

Такая милая!.. Какъ золотистый грошикъ...
Поете молодость на разныхъ голосахъ...
Очарователенъ улыбчатый горошекъ,
Ушко наивное опутавъ во волосахъ.

И, вотъ что, знаете: возьмите въ руки прутикъ.
И — кто кого теперь?!.. — бѣжимъ на плацъ-
крокетъ.
Еще Вы дѣвушка, еще Вы только лютикъ, —
И я изъ лютиковъ Вамъ подарю букетъ...

1910

Выйди въ садъ...

Выйди въ садъ... Какъ погода ясна!
Какъ застѣнчиво августъ увялъ!
Распустила кораллъ бузина,
И янтарный боярышникъ — вялъ.

Эта ягода — яблочко — гномъ...
Какъ кудрявый кротекусъ красивъ!
Скоро осень окутаетъ сномъ
Теплый садикъ, дождемъ оросивъ.

А пока еще — зелень вокругъ,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливыхъ рукъ —
Много сходнаго съ лапой гусынь.

Какъ оливковы листики грушъ!
Какъ призывно плоды ихъ висятъ!
Выйди въ садъ и чуть-чуть поразрушь, —
Это осень проститъ... Выйди въ садъ.

1900

Катюлинька

Гуля-гулинька, гуля-гулинька,
Съ бѣлымъ крылышкомъ голубокъ...
Это ты, мой другъ, ты Катюлинька?
Ты, Катюлинька, мой дружокъ?

Осень дымчата. Лѣсъ и хижина.
День склоняется. Ночь близка.
Ты обижена... Ты унижена...
Ты любима мной, — какъ тоска...

Двери скрипнули. Бьется крылышко, —
То колышется твой платокъ...
Гдѣ ты, молодость?.. гдѣ ты силушка?..
Гдѣ Катюлинька — мой дружокъ?..

1909

Резедовый букетъ

Испуганно внемля далекой ракетѣ,
Когда задремали въ истомѣ сады,
Купая лицо въ резедовомъ букетѣ,
Она понимала мірокъ резеды.

„О, какъ бархатисты, какъ томно-кудрявы,“
Она обращалась чуть слышно къ цвѣтамъ:
„Я вѣрю: вы чутки, и люди неправы,
Когда васъ срываютъ, — вѣдь больно же вамъ...

Я въ вазу поставлю васъ, цвѣтики, въ вазу
Съ такою холодной прозрачной водой...“
Цвѣты эту ласку восприняли сразу
И къ ней потянулись душистой мечтой.

Онѣ благодарны, цвѣтковыя души, —
Она это знала.. Но выпалъ букетъ,
И, всѣ ихъ измявъ крошкой-туфелькой въ плюшѣ,
Она разрыдалась, упавъ на паркетъ...

1909

Весенніе тріолеты

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери, —
Еще весной благоухаетъ садъ...
О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки, —
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчитъ мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя, — и сердце воспылаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!..

1913

Восторженная поэза

Восторгаюсь тобой, молодежь! —
Ты всегда, — даже стоя, — идешь.
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ.
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много весенъ и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ, —
Да весенятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки...
Оттого — я, не зная тоски,
Такъ спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозо̀во возгряну „Ура“,
Что умретъ безвоскресно вчера!
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя Сегодня твое!

1914

Весенній день

Дорогому К. М. Фофанову

Весенній день горячъ и золотъ, —
Весь городъ солнцемъ ослѣпленъ!
Я снова — я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты"...
Какой просторъ! Какая воля!
Какіе пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы — въ бричкѣ по ухабамъ!
Скорѣй бы — въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ!
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

1911

Гатчинскій весенній день

Тридцатый годъ въ лицо мнѣ вѣетъ
Веселый свѣтлый майскій день.
Тридцатый разъ сиреневѣетъ
Въ саду душистая сирень.

„Сирень“ и „день“! нѣтъ рифмъ банальнѣй!
Милѣй и слаще нѣтъ зато!
Кто знаетъ рифмы музыкальнѣй
И вдохновеннѣй знаетъ кто?!

„Сирень“ и „день“! Какъ опьяненно
Звучите вы въ душѣ моей!
Какъ я на міръ смотрю влюбленно,
Пьянъ сномъ сиреневыхъ кистей!

Пока я живъ, пока я молодъ,
Я буду вѣчно пѣть сирень!
Весенній день горячъ и золотъ, —
Виновныхъ нѣтъ въ весенній день!

1917

Пляска мая

„Въ могилѣ мракъ, въ объятьяхъ рай,
Любовь — земли услада!..“
Ал. Будищевъ

Вдалекѣ отъ фабрикъ, вдалекѣ отъ станцій,
Не въ лѣсу дремучемъ, но и не въ селѣ —
Старая плотина, на плотинѣ танцы,
Въ танцахъ поселяне, всѣ навеселѣ.

Покупаютъ парни у торговки дули,
Тыквенное сѣмя, каріе рожки.
Тутъ безпопья свадьба, тамъ кого-то вздули.
Шопоты да взвизги, пѣсни да смѣшки.

Точно гудъ пчелиный — гуторъ на полянкѣ:
— Любишь ли, Акуля?.. — „Дьяволъ не замай!..“
И подъ звуки шустрой, удалой „тальянки“
Пляшетъ на плотинѣ самъ царевичъ Май.

Разошелся браво пламенный красавецъ,
Зашумѣли липы, зацвѣла сирень!
Вѣтерокъ цѣлуетъ въ губы всѣхъ красавицъ,
Май пошелъ вприсядку въ шапкѣ на-бекрень.

Но не видятъ люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевичъ броситъ въ пляскѣ два кольца.

Кто подниметъ кольца — жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для мѣдныхъ лбовъ!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царятъ надъ міромъ Солнце и Любовь!

1910

Русская

Кружевѣетъ, розовѣетъ утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ.

Бриллiантится веселая роса;
Что за воздухъ! что за свѣтъ! что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видѣть птичку, лягушенка и осу,

Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхо: „ха-ха-ха!“

Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,

Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,

Пробудить ея невыспавшiйся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,

Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь!

1910

Въ паркѣ плакала дѣвочка

Всеволоду Свѣтланову

Въ паркѣ плакала дѣвочка: „посмотри-ка ты,
папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бѣдную и въ платочекъ укутаю...“
И отецъ призадумался, потрясенный минутою,
И простилъ всѣ грядущіе и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей отъ жалости.

1910

Поэза бѣлой сирени

Бѣлой ночью въ бѣлыя сирени,
Призракомъ возникшія, приди,
И цѣлуй, и нѣжь, и на груди
Дай упиться сонмомъ упоеній...
И цѣлуй, и нѣжь, и утруди...

Бѣлой ночью бѣлые привѣты...
Ласкъ больныхъ весеннихъ полусны...
И любовь, и вѣянье весны...
Полутемени и полусвѣты...
И любовь... И чувства такъ лѣсны...

Эта ночь совсѣмъ, совсѣмъ живая!
Въ эту ночь приди ко мнѣ, приди!
И судьбу свою опереди...
А сирень цвѣтетъ, слегка кивая!
А любовь растетъ, легка въ груди!

1917

Маргаритки

О, посмотри! какъ много маргаритокъ —
И тамъ, и тутъ...
Онѣ цвѣтутъ; ихъ много; ихъ избытокъ;
Онѣ цвѣтутъ.

Ихъ лепестки трехгранные — какъ крылья,
Какъ бѣлый шелкъ...
Вы — лѣта мощь! Вы — радость изобилья!
Вы — свѣтлый полкъ!

Готовь, земля, цвѣтамъ изъ росъ напитокъ,
Дай сокъ стеблю...
О, дѣвушки! о звѣзды маргаритокъ!
Я васъ люблю...

1909

Очамъ твоей души

Очамъ твоей души — молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачъ совѣсти моей,
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь въ началѣ, —
Очамъ души твоей...

Очамъ души твоей — сиренью упоенье
И литургія — гимнъ жасминовымъ ночамъ;
Все-все, что дорого, что будитъ вдохновенье, —
Души твоей очамъ!

Твоей души очамъ — видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши! —
Но ты должна принять!.. И плачъ и хохотъ лиры —
Очамъ твоей души!..

1909

Тринадцатая

Новелла

У меня дворецъ двѣнадцатиэтажный,
У меня принцесса въ каждомъ этажѣ,
Подглядѣлъ-подслушалъ какъ-то вихрь протяжный, —
И объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ уже.

Знаетъ, — и прекрасно! сердцемъ не плутую!
Всѣхъ люблю, двѣнадцать, — хоть на эшафотъ!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Такъ вотъ:

Всѣ мои принцессы — любящія жены,
Я, ихъ повелитель, любящій ихъ мужъ.
Знойнымъ поцѣлуемъ груди ихъ прожжены,
И въ каскады слиты ручейки ихъ душъ.

Каждая другъ друга дополняетъ тонко,
Каждая прекрасна, въ каждой есть свое:
Та груститъ беззвучно, та хохочетъ звонко, —
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лѣстницѣ, завѣсу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
Въ упоеньи мигомъ некогда тужить.
Жизнь — отъ поцѣлуя, жизнь — до поцѣлуя,
Вѣчное забвенье не даетъ мнѣ жить.

Но бываютъ ночи: заберусь я въ башню,
Заберусь одинъ въ тринадцатый этажъ,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чаруетъ греза все одна и та-жъ:

Хорошо бы въ этой комнатѣ стеклянной
Пить златистогрезый черный виноградъ
Съ вѣчно-безымянной, странно такъ желанной,
Той, кого не знаю и узнать не радъ.

Скалы молятъ звѣзды, звѣзды молятъ скалы,
Смутно понимаю тайну скалъ и звѣздъ, —
Наполняю сокомъ и душой бокалы
И провозглашаю безотвѣтный тостъ

1910

Посвященіе

Тебя не зная — всюду, всюду
Тебя искалъ я, сердцемъ юнъ:
То плылъ на голубую Суду,
То на нахмуренный Квантунъ...

Мнѣ много женскихъ душъ дарило
Свою любовь, свою печаль...
Въ нихъ не найдя тебя, вѣтрило
Я поднималъ — и снова въ даль!

Такъ за второй встрѣчалась третья...
Но не было межъ нихъ тебя...
Я не отчаивался встрѣтить
Тебя, владычица моя!

Тогда, безплотная донынѣ,
Пріяла ты земную плоть:
Весной, въ поляхъ, подъ небомъ синимъ,
Съ тобой насъ съединилъ Господь.

Твой первый взглядъ явилъ мнѣ чудо
(Онъ — незабвенный амулетъ!):
И ты меня искала всюду,
Какъ я тебя, пятнадцать лѣтъ!

Найти другъ друга, вотъ — отрада!
А жизнь вдвоемъ — предтеча тьмы...
Намъ больше ничего не надо:
Лишь другъ внѣ друга — вмѣстѣ мы!

1912

Ея монологъ

Не можетъ быть! вы лжете мнѣ мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары:
Жжетъ молнія надменныя вершины,
Поэтъ — изъ перловъ бурные костры,
И фабрикантъ — дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забывшія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище дворца,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И геніи сжигаютъ мощь свою
На алкоголѣ — символѣ безсилья...
Но письма сжечь, — гдѣ я тебѣ пою
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя — какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя — какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба...
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

1909

Два дня въ саду осеннемъ...

(Стихотвореніе диллетантки.)

Вчера.

Зачѣмъ вы расцвѣли, осенніе цвѣты?
Замерзните... засохните... увяньте...
Вы говорите мнѣ о горестномъ талантѣ,
О юности моей, о жаждѣ красоты.
Я такъ утомлена, мнѣ нуженъ лишь покой,
Веснѣ возврата нѣтъ, мѣчты мои померкли...
Мнѣ все равно: среда; суббота ли, четвергъ ли, —
Живу я не живя, замерзла я душой...
Но было время... да! была я молода,
Я вѣрила, ждала... надѣялась... страдала..
Но не было „его“.. Сирень благоухала,
И яблони цвѣли... и вяли безъ плода!
А я-то! я-то! я!.. Какъ я хотѣла жить,
Любить, безумствовать, смѣяться до рыданья!
И вотъ явился „онъ“... Но новыя страданья
Онъ мнѣ принесъ съ собой: онъ не умѣлъ любить!
Онъ не постигъ моей трепещущей души, —
Онъ не сумѣлъ постичь... онъ понялъ только тѣло...
А я его всего, всего его хотѣла!..
За всѣ мои „цвѣты“ онъ могъ мнѣ дать... „гроши“!..
О, я превозмогла отчаянье и стыдъ, —
Его отвергла я, Я, гордая, не пала...
Окаменѣла я... Сирень благоухала...
И яблони цвѣли... но ихъ безплодный видъ
Внушалъ холодный страхъ и навѣвалъ печаль мнѣ...
Спасаясь отъ себя, я вышла замужъ; мужъ
Остался мнѣ чужимъ, — и безъ сліянья душъ
Я зачала дѣтей въ своей трагичной спальнѣ...
Люблю ли я дѣтей? О, да! они — исходъ
Безвыходной мечты... Они — мое забвенье.

А я все жду „его", не вѣря въ появленье, —
И снова нѣтъ „его"... Въ мечтѣ — сирень цвѣтетъ,
И яблони безплодныя цвѣтущи...
Но я утомлена... Веснѣ возврата нѣтъ...
Осенніе цвѣты! гасите же свой свѣтъ:
Пока цвѣтете вы, мои лученья пуще...

Сегодня.

Благоухайте вы, осенніе цвѣты!
Молю, помедлите... да пощадитъ васъ тлѣнье...
„Онъ" самъ пришелъ ко мнѣ, онъ принялъ воплощенье
Но я... гоню „его"... чтобъ сохранить... мечты!

1911

Berceuse осеннiй

День алосизъ. Лимонолистный лѣсъ
Драпритъ стволы въ туманную тунику.
Я въ глушь иду, подъ осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мнѣ сказалъ, что у меня есть мужъ
И трижды овесененный ребенокъ?..
Вѣдь, это вздоръ! вѣдь, это просто чушь!
Ложусь въ траву, теряя пять гребенокъ...

Поетъ душа, подъ осени berceuse,
Надежно ждетъ и сладко-больно вѣритъ,
Что онъ придетъ, галантный мой Эксцессъ,
Меня возьметъ и дѣвственно озвѣритъ.

И утоливъ мой алчущiй инстинктъ,
Вернетъ меня къ моей безцѣльной яви,
Оставивъ мнѣ незримый гiацинтъ,
Святѣе вербъ и кризантэмъ лукавѣй...

Иду, иду, подъ осени berceuse,
Не находя нигдѣ отъ грезы мѣста.
Мнѣ хочется, чтобъ сгинулъ, чтобъ исчезъ
Тотъ домъ, гдѣ я — замужняя невѣста!..

1912

Примитивный романсъ

Моя ты или нѣтъ? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтобъ онъ тебя пустилъ ко мнѣ, моя родная!

Боюсь, онъ не пойметъ; боюсь, осудитъ онъ;
Боюсь, тебя чернить онъ станетъ подозрѣньемъ...
Приди жъ ко мнѣ сама! Ты слышишь-ли мой стонъ?
Ты вѣришь ли тоскѣ и позднимъ сожалѣньямъ?

Иль нѣтъ, не приходи! и не пиши въ отвѣтъ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная:
Такъ лучше... такъ больнѣй... Моя ты или нѣтъ?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

1912

Соната

Каждый вечеръ вы вѣете мимо
Въ темномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ,
Какъ гетера усладнаго Рима,
Какъ Марія съ зачатымъ Христомъ.

Я всегда вижу только вашъ профиль,
Потаенно-печальный овалъ
И въ Магдалахъ ли васъ, на Голгофѣ-ль,
Только, помню, когда-то знавалъ.

На меня никогда, никогда вы
Не взглянули, не смѣли взглянуть:
Вашу память душили удавы,
И мѣдянки окольчили грудь.

И пока полносердно съ балкона
Я, ледѣя, смотрѣлъ вамъ во слѣдъ,
Богоматери меркла икона,
И дрожалъ я войти въ кабинетъ:

Мнѣ казалось, что гасла лампада,
И пустѣлъ, закрываясь, кіотъ...
Все я ждалъ, что изъ роснаго сада
Кто-то дѣвно меня позоветъ...

И на мигъ несказàннымъ обманутъ,
Я спѣшилъ на нескàзанный зовъ,
И не видѣлъ, какъ ландыши вянутъ
Отъ моихъ недостойныхъ шаговъ.

1911

„Викторія-Регія“

Наша встрѣча — Викторія-Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту...
До и послѣ нея жизнь — элегія
И надежда въ мечту.

Ты придешь, — изнываю отъ нѣги я,
Трепещу на лету
Наша встрѣча — Викторія-Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту...

1909

Земля и Солнце

Вселенская поэма

Земля любитъ Солнце за то,
Что Солнце горитъ и смѣется.
А Солнце за то любитъ Землю,
Что плачетъ и мерзнетъ она.
Не сблизиться имъ никогда,
Они и далеки, и близки;
Пока не остынетъ свѣтило,
Живетъ и страдаетъ Земля.
Хотя у нихъ общаго нѣтъ,
Не могутъ прожить другъ безъ друга:
Земля для того и живетъ вѣдь,
Чтобъ только на Солнце смотрѣть.
Оно для нея — идеалъ,
Любимая, вѣчная греза;
А Солнце живетъ для того лишь,
Чтобъ Землю холодную грѣть.
Они неизмѣнны въ любви,
И, если не видятся долго,
Виною — нелѣпыя тучи,
Которыя ихъ разлучатъ.
Разлука рождаетъ тоску,
И Солнце томится и страждетъ,
И жаждетъ скорѣе свиданья
Съ далекой, но милой Землей.
Влюбленные видятся днемъ,
Встрѣчаясь всегда на разсвѣтѣ;
Но къ часу вечерному солнце
Улыбно уходитъ домой.
А если бъ оно не ушло
Въ урочное время — отъ жара
Земля бы блаженно зачахла,
И было бъ виновно оно.

А если бъ оно не ушло
Три дня и три долгія ночи,
Земля бы сама запылала
И ярче, чѣмъ Солнце само!
Тогда бы погибла любовь! —
Когда бы увидѣло Солнце,
Что больше земля не тоскуетъ...
Пускай бы погибла любовь!
Тогда бы погибла мечта! —
Когда бы увидѣло Солнце
Веселой и радостной Землю...
Пускай бы погибла мечта!
Въ своей всепобѣдной любви
Свѣтило готово на жертву —
Отдать и сіянье, и пламя
Для блага, для счастья Земли.
Не хочетъ, боится Земля
Сравняться съ прекраснымъ свѣтиломъ:
Кому же тогда ей молиться?
Кого же тогда ей любить?

Страданье — природы законъ...
Нѣтъ равной любви на планетѣ...
— Тебя я люблю за безсилье,
Ты любишь за силу меня.

1911

Красота передсмертная

Безнаказанно не воплощается
Цѣломудренная мечта, —
И Тринадцатая встрѣчается
Въ бѣлыхъ лиліяхъ у креста...
А встрѣчается, — начинается
Передсмертная красота.

Встрѣтилъ женщину небывалую,
Невозможную на землѣ, —
Береги ее, такъ усталую,
Такъ озлобленную въ зѐмномъ злѣ.
Всею нѣжностью запоздалою
Возожги восторгъ на челѣ.

До Тринадцатой — жизни не было:
Повстрѣчавшаяся — конецъ:
Отвергающая — жизнь потребовала
И сплела гробовой вѣнецъ.
Все ошибочное вдругъ ослѣпло,
Какъ прозрѣла правда сердецъ.

Въ свѣтлой мрачности, въ мрачной свѣтлости,
Въ скорбной радостности конца —
Столь значительныя незамѣтности
Предназначеннаго лица.
Я молюсь твоей нѣжной блѣдности,
И въ глазахъ твоихъ — два кольца...

1915

Поэза предвесеннихъ трепетовъ

О. С.

Весеннимъ вѣтромъ вѣютъ лица
И таютъ, проблагоухавъ.
Тѣламъ легко и сладко слиться
Для весенѣющихъ забавъ.

Я снова чувствую томленье
И нѣжность, нѣжность безъ конца...
Твои уста, твои колѣни
И вздохъ мимознаго лица, —

Лица, котораго безчертны
Неуловимыя черты:
Снѣгурка съ темпомъ сердца серны,
Газель оснѣженная ты.

Смотрѣть въ глаза твои русалчьи
И въ нихъ забвенно утопать!
Изнѣжные цвѣты фіальчи
Подъ ними четко намѣчать.

И видѣть уходящій поѣздъ
И путь безъ станцій, безъ платформъ,
Читать безъ окончанья повѣсть, —
Душа Поэзіи — внѣ формъ.

1913

Завѣтъ

Не убивайте голубей.
Мирра Лохвицкая

Цѣлуйте искреннѣй уста —
Для васъ раскрытые бутоны,
Чтобъ ихъ не изсушили стоны,
Чтобъ не поблекла красота!
Съ мечтой о благости Мадонны
Цѣлуйте искреннѣй уста!

Прощайте пламеннѣй враговъ,
Вамъ причинившихъ горечь муки,
Сковавшихъ холодомъ разлуки,
Топящихъ въ злѣ безъ береговъ.
Дружнѣй протягивайте руки,
Прощайте пламеннѣй враговъ!

Страдайте стойче и святѣй,
Познавъ величіе страданья.
Да не смутятъ твои рыданья
Покоя свѣтлаго дѣтей!
Своимъ потомкамъ въ назиданье
Страдайте стойче и святѣй!

Любите глубже и вѣрнѣй —
Какъ любятъ васъ, не разсуждая,
Своимъ порывомъ побуждая
Гнать сонмы мертвенныхъ тѣней...
Безсмертенъ, кто любилъ, страдая, —
Любите глубже и вѣрнѣй!

1909

Пушкинъ

Онъ, это — чудное мгновенье,
Запечатлѣнное въ вѣкахъ!
Онъ — воплощенье вдохновенья,
И передъ нимъ безсиленъ прахъ...

Лишь онъ одинъ изъ всѣхъ живущихъ
Не сталъ, скончавшись, мертвецомъ:
Онъ вѣчно живъ во всѣхъ поющихъ,
И смерть здѣсь не звучитъ „концомъ".

Въ его созданьяхъ Красота вѣдь
Показываетъ вѣчный ликъ.
Его намъ мертвымъ не представить
Себѣ, и этимъ онъ великъ!

Пускай онъ старъ для современья
Но современье для него
Ничтожно: вѣдь его мгновенье
Прекраснѣй вѣка моего!

1918

Эпилогъ

1.

Я, генiй Игорь-Сѣверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ:
Я повсеградно оэкраненъ!
Я повсесердно утвержденъ!

Отъ Баязэта къ Портъ-Артуру
Черту упорную провелъ.
Я покорилъ Литературу!
Взорлилъ, гремящiй, на престолъ!

Я, — годъ назадъ, — сказалъ: „Я буду!“
Годъ отсверкалъ, и вотъ — я есть!
Среди друзей я зрилъ Iуду,
Но не его отвергъ, а — месть.

— Я одинокъ въ своей задачѣ!
Прозрѣнно я провозгласилъ.
Они пришли ко мнѣ, кто зрячи,
И, давъ восторгъ, не дали силъ.

Насъ стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила.
И не мужала отъ числа.

Она росла, въ своемъ единствѣ
Самодержавна и горда, —
И, въ чаровомъ самоубiйствѣ,
Шатнулась въ мой шатеръ орда...

Отъ снѣгоскалаго гипноза
Бѣжали двое въ тлѣнъ болотъ;
У каждаго въ плечѣ заноза, —
Зане болѣзненъ бѣглыхъ взлетъ.

Я ихъ привѣтилъ: я умѣю
Привѣтить все, — божи, Привѣтъ!
Лети, голубка, смѣло къ змѣю!
Змѣя! обвѣй орла въ отвѣтъ.

2.

Я выполнилъ свою задачу,
Литературу покоривъ.
Бросаю сильнымъ наудачу
Завоевателя порывъ.

Но даровавъ толпѣ холоповъ
Значенье собственнаго „я“,
Отъ пыли отряхаю обувь,
И вновь въ просторъ — стезя моя.

Схожу насмѣшливо съ престола
И, нынѣ свѣтлый пилигримъ,
Иду въ застѣнчивые долы,
Презрѣвъ ошеломленный Римъ.

Я изнемогъ отъ льствивой свиты
И по природѣ я взалкалъ.
Мечты съ цвѣтами перевиты,
Росой накапленъ мой бокалъ.

Мой мозгъ прояснили дурманы,
Душа влечется въ Примитивъ,
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотивъ!

Не ученикъ, и не учитель
Великихъ другъ, ничтожныхъ братъ,
Иду туда, гдѣ вдохновитель
Моихъ исканій — говоръ хатъ.

До долгой встрѣчи! Въ беззаконцѣ
Вѣротерпимость хороша.
Въ ненастный день взойдетъ, какъ солнце,
Моя вселенская душа!

1912

Библіографія

Стихи, вошедшіе въ эту книгу, взяты изъ слѣдующихъ томовъ:

т. I — „Громокипящій кубокъ“

„Фіолетовый трансъ“, „Полонезъ Титанія“, „Мороженое изъ сирени“, „Качалка грезэрки“, „Маріонетка проказъ“, „Сонаты въ штормъ“, „Шампанскій полонезъ“, „Это было у моря“, „Зизи“, „Каретка куртизанки“, „Нелли“, „Клубъ дамъ“, „M-me Sans-Gêne“, „Диссона“, „Ты ко мнѣ не вернешься“, „День на фермѣ“, „Фіалка“, „Любовь и Слава“, „Октябрь“, „Янтарная элегія“, „Письмо изъ усадьбы“, „Въ грѣхѣ забвенье“, „На мотивъ Фофанова“, „Весенній день“, „Пляска Мая“, „Русская“, „Въ паркѣ плакала дѣвочка“, „Маргаритки“, „Очамъ твоей души“, „Тринадцатая“, „Посвященіе“, „Ея монологъ“, „Berceuse осенній“, „Примитивный романсъ“, „Victoria Regia“, „Земля и Солнце“, „Завѣтъ“, „Эпилогъ“.

т. II — „Златолира“

„Процвѣтъ Амазоніи“, „Самоубійца“, „Хабанера II“, „Поэза безъ названья“, „Когда ночами“, „Еще Вы дѣвушка“, „Два дня въ саду осеннемъ“, „Поэза предвесеннихъ трепетовъ“.

т. III — „Ананасы въ шампанскомъ“

„Цвѣтокъ букета дамъ“, „Въ блесткой тьмѣ“, „Увертюра къ т. III“, „Поэза о тысяча первомъ знакомствѣ“, „Валентина“, „Граціоза“, „Барбарисовая поэза“.

т. IV — „Victoria Regia“

„Поэза трехъ принцессъ“, „Сувениръ критики“, „Поэза о Бельгіи“, „Тіана“, „Сегодня не приду“, „Весенніе тріолеты“, „Восторженная поэза“, „Соната“

т. V — „Поэзоантрактъ“

„Диѳирамбъ“, „Женщина въ тюльбери“, „Все глуше паркъ“, „Выйди въ садъ“, „Катюлинька“, „Резедовый букетъ“.

т. VI — „Тостъ безотвѣтный“

„Поэза издалека“, „Красота передсмертная“.

т. VII — „Миррэлія“

„Поэза алыхъ туфель“, „Гастрономы древности“, „Поэза странностей жизни“, „Поэза лунныхъ настроеній“, „Поэза о вальдшнепѣ и зайчикѣ“, „Любопытство Эклерезиты“, „Эпиталама Ингридъ“, „Увертюра къ тому VII“, „Поэза безъ словъ“, „Поэза строгой точности“, „Гатчинскій весенній день“, „Поэза бѣлой сирени“.

т. VIII — „Ручьи въ лиліяхъ“

„За чаемъ послѣ оперы“, „Это сонъ или бредъ“, „Увертюра къ т. VIII“, „Месть“.

т. IX — „Соловей“

„Соната Изелина“, „Интродукція“, „Пушкинъ“.

т. X — „Настройка лиры“

„Berceuse сирени“, „Сердце печалься“, „Отъѣздъ герцогини“.

Книги Игоря-Сѣверянина

т. I	—	10	изданій	— 31348	экз.
т. II	—	6	„	— 9800	„
т. III	—	4	„	— 12960	„
т. IV	—	3	„	— 8950	„
т. V	—	2	„	— 4180	„
т. VI	—	1	„	— 6500	„

т. VII, VIII, IX и X печатаются.

„За струнной изгородью лиры“ — 12400 экз.

Всего 86138 экз.

Поэзовечера Игоря-Сѣверянина

Отчетъ за 5 сезоновъ (съ 1913 г.)

Петроградъ — 23 вечера; Москва — 25; Харьковъ — 9; Одесса, Тифлисъ — по 3; Ростовъ-на-Дону, Курскъ, Екатеринодаръ, Тверь, Полтава, Саратовъ — по 2; Кіевъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ Псковъ, Казань, Орелъ, Кутаисъ, Баку, Армавиръ, Новороссійскъ, Таганрогъ, Ярославль — по 1.

Всего 87 вечеровъ

Многіе стихи изъ этой книги переведены на англійскій, польскій, грузинскій, эстонскій и др. языки

Нѣкоторые стихи изъ этой книги переложены на музыку композиторами: С. Рахманиновымъ, А. Архангельскимъ, Ю. Кельбергомъ, Н. Цибульскимъ, М. Багриновскимъ, М. Якобсономъ, Малявинымъ, Вильбушевичемъ и др.